

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

В. Ю. Бутко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 мая 2025 г.

Аннотация: рассматривается проблема защищенности исторического события. Современные тенденции приводят к тому, что историческое событие интерпретируется каждым человеком с двух позиций: субъективной (лично-семейной) и объективной (общепринятой). Обе стороны оказывают влияние на формирование концепции истории.

Ключевые слова: защищенность, историческое событие, самооправдание, воспоминания, межпоколенческий диалог, массовый человек, архивация, общество, индивид.

Abstract: the article discusses the problem of the security of a historical event. Modern trends lead to the fact that a historical event is interpreted by each person from two positions: subjective (personal and family) and objective (generally accepted). Both sides influence the formation of the concept of history.

Key words: security, historical event, self-justification, memories, intergenerational dialogue, mass person, archiving, society, individual.

Помнит ли общество свое прошлое? Общество не может дословно пересказать те события, которые произошли в мире вчера. Историю ежедневно корректируют. Именно поэтому актуальной представляется дискуссия о социальной безопасности исторических событий.

Поколение молодых людей не имеет исторической памяти, не способно адекватно воспринимать реальность, прогнозировать будущее. Ввиду того что технологии меняются ежеминутно, возрастает темп жизни и ускоряется обмен информацией люди стараются не воспринимать информацию «на веру», а доверять лишь материальному доказательству подлинности того или иного события.

Современная культура всё чаще обращается к массовому тиражированию актуального контента, который популяризирован людьми. Таким контентом чаще всего выступает материальная и духовная сущность сравнительно недавнего прошлого. Фактором популяризации выступает живая связь между носителями прошлого. Возможность диалога между участниками событий прошлого и существующим сегодня человеком позволяет понимать историю практически от первого лица.

Для более четкого понимания картины в целом и меньшей путаницы в некоторых ее деталях необходимо прибегать к критическому анализу и большому

количеству экспертиз, позволяющих подтвердить подлинность того или иного артефакта. Такой подход актуален в случае с материальными носителями истории, но для живого общения практически неприемлем, ввиду того что воспоминания человека подвижны и склонны к изменениям.

Воспоминания синтезируют в себе личный опыт и практическое применение. В таком случае человеку легче воспринимать информацию. По данным ВЦИОМ, гражданам России намного проще вспомнить то, что было буквально сто лет назад, и крайне тяжело вспомнить то, что было пять веков назад [1]. На это влияет межпоколенческий диалог, в котором синтезируются объективные знания, личный опыт предка и собственные переживания человека.

Для того чтобы понять прошлое, необходимо изучать разные источники воспоминаний. Чем более масштабное событие произошло в прошлом, тем большее количество источников появится после него. «В ходе апрельского опроса ВЦИОМ от 2023 г. почти каждый ответил, что сегодня в той или иной степени важно сохранять память о Великой Отечественной войне (98 %)» [1].

Однако память и психика человека устроены определенным образом: они корректируют воспоминания путем забвения накопленного ранее опыта. В результате более исторически отдаленное в хронологическом порядке событие сохраняется в памяти меньшего количества человек. Более того, информа-

ция об этом событии искажается, а интерес к таким событиям у нового поколения постепенно снижается, потому что отсутствуют живые носители правды, с чьим мнением сложно поспорить, потому что они жили в то время и видели всё своими глазами.

Искажение воспоминаний приводит к манипуляциям и коррекциям исторических событий. Вмешательство в историю ради получения собственной выгоды практиковалось всегда, но лишь в 1916 г. Уильям Элиот Гриффис произнес фразу о том, что «общепринятая история почти всех войн написана победителями» [2, с. 272].

В таком случае возникает вопрос о защищенности истории перед влиянием на нее извне. Человек внутренне соотносит свою версию события с внешней данностью. Таковой является контекст времени, в котором произошло то или иное событие. «Любой исторический вопрос задается человеком, находящимся в обществе. Даже если он хочет повернуться к этому обществу спиной и видит функцию истории в чистом, беспристрастном познании, он все равно не может не принадлежать своему времени. Любой вопрос задается с каких-то позиций. Сознание историчности точки зрения историка, обусловленной этой историчностью необходимости периодически переписывать историю, стало одной из характерных черт процесса конституирования современной исторической мысли» [3, с. 92].

В том случае, когда происходит разрыв живой связи носителя воспоминаний с потомком, формируется смысловая яма, которую необходимо заполнить. Чем шире и глубже чувствуется разрыв смыслов, тем проще сформировать наше отношение к прошлому. Такая парадоксальность не случайна, потому что реальные смыслы замещаются корректно интерпретированной информацией.

История воспринимается человеком исходя из двух позиций: позиции со-чувствия и интерпретативного анализа. Первый случай характерен для свежих исторических событий, потому что в нем затрагиваются чувственный опыт человека, диалогичность поколений и более ярко выраженная возможность исправления ситуации. Второй случай применим к событиям «давно минувших дней», потому что нам остается только анализировать имеющиеся у нас сведения, встраивать их в нашу реальность, синтезируя с обычной жизнью, и исправление подобных случаев практически невозможно.

В обоих случаях возникает риск несовпадения субъективной и объективной данности исторических событий, что приводит к конфликту точек зрения и провоцирует диссонанс [4], который проявляется через непринятие собственных ошибок. Для человека свойственно определение исторической реальности через действие. Однако не все действия могут

быть правильно поняты, трактованы и представлены публике.

Человек вкладывает в свои действия смысл, который не подчиняется общепринятым законам реальности, совершает ошибки, оказывающие влияние на исторический процесс. В лучшем случае человек, совершивший действие / бездействие, осознает это, признает реальность проблемы и исправляет ситуацию. На практике же он оправдывает свое поведение с помощью создания «легенд», снимающих ответственность за совершенное. Таким образом, проявляется механизм защиты личности – самооправдание.

В основе самооправдания лежит идея о том, что необходимо согласовать интерпретацию исторического события между человеком и обществом. Для этого необходимо соответствие взглядов человека и общества при одновременном отрицании того, в чем они не схожи.

Если человек находится в состоянии со-чувствия, т. е. имеет возможность увидеть живое олицетворение прошлого, он будет серьезнее подходить к вопросу исторической истины, либо отрицая то, что не соответствует его представлениям, либо оспаривая реальность представленной информации.

В случае с интерпретативным анализом человек будет поступать исходя из собственной заинтересованности и в соответствии с ресурсами, затраченными на поиск правды, поэтому он приложит больше усилий для доказательства собственной правоты. При этом изначально человек не понимает, какой результат его будет ждать в конце. Действие носит слепой, интуитивный характер. В случае ошибки и следующих за этим негативных последствий вместо признания собственных ошибок человек будет искать причины во вне.

Каждое совершенное действие укрепляет веру человека в его правильности. В том случае, если это не так, подсознание начинает «исправлять» воспоминания и защищать нервную систему от эмоциональной перегрузки. Чем больше воспоминаний замещается, тем сильнее происходит смещение фокуса внимания с изначальной проблемы, и в большей степени это приводит к разложению морального облика человека.

Подкрепляющим фактором выступает сильная связь с социальными клише, которые окружают человека везде. С их помощью упрощается механизм оправдания. От предубеждений невозможно избавиться, можно ослабить воздействие через подписание мирного договора, повышение уровня квалификации и осведомленности, более близкое взаимодействие, формирующее доверительные отношения и повышающее эмпатию.

Однако такие механизмы не всегда работают должным образом. Нередко во внешнеполитических

взаимоотношениях используются приемы обращения к памяти для большего контроля сознания людей. В результате можно наблюдать следующую картину: подписание мирного договора сглаживает острые углы в диалоге между странами, однако обращение к негативным сторонам исторического процесса побуждает людей по-прежнему мыслить стереотипами и не быть включенными в процесс социального взаимодействия полностью. Это приводит к диссонансу, в процессе которого происходит новая интерпретация событий, которая, в свою очередь, порождает механизм самооправдания. Конечным результатом этого выступает новый конфликт, который в теории подразумевает старые разрешенные противоречия, но на практике совместно с деформацией отношений между субъектами появляются новые неразрешимые противоречия.

Замена старых форм новыми свидетельствует о том, что память человека способна редактировать разные эпизоды из прошлого. События замещаются друг другом, интерпретируются по-другому и реструктурируют ход исторической мысли в голове отдельно взятого человека. Спустя время переформатирование истории приводит к тому, что человек не способен отличить придуманное от реально существовавшего.

Воспоминания и реальность оказывают влияние друг на друга в нашем сознании. Человек формирует нарратив, который задает план осуществления реальности. Для этого необходим определенный фактор, например кризисная ситуация, которая раскалывает жизнь человека на «до» и «после». Восприятие прошлого оказывается в подчинении настоящему, превращается в надстройку, не имеющую ничего общего с реальностью.

События из прошлого человек интерпретирует с одной из позиций: либо своей собственной, тогда свои хорошие поступки он объясняет через призму личных качеств, а плохие – через призму влияния внешних ситуаций; либо другой, для которой характерна противоположная ситуация: хорошие поступки – через внешние факторы, а плохие – через личные качества.

Большинство исторических событий можно рассматривать через две позиции: жертвы и обидчика. Человек в истории постоянно примеряет эти социальные маски. При этом эти роли обладают нетипичными характеристиками. Так, жертва, вместо того чтобы сочувствовать другим людям, а также избегать мести, умышленно выбирает оставаться жертвой и акцентирует на этом внимание, стараясь максимально игнорировать собственную ответственность за совершенные действия / бездействия. Вместо того чтобы признать ошибки, жертва подчеркивает собственные страдания. Человек в роли жертвы стремится к избавлению от негативных последствий ссор и

конфликтов, постепенно теряет доверие и повышает бдительность перед лицом «врага».

Для роли обидчика же характерно преувеличение собственных страданий, результатом которых стало совершение определенных действий. Обидчик считает, что поступает единственно верным путем, оправдывая свои поступки наиболее выгодными в данный момент «легендами». Если такая позиция терпит неудачу, он переходит к следующему шагу и начинает минимизировать важность проблемы, сводя ее к ничтожно малой и не стоящей ничего.

Такая модель взаимодействия порождает неразрывный круг мести, в котором нет места признанию собственных ошибок. Вместо работы над ошибками жертва жаждет мести за всё, что ей пришлось пережить. Для того чтобы обезопасить свою позицию, обидчик на время становится жертвой и меняет свою социальную модель поведения. Итогом подобных изменений становится постоянный круговорот претензий двух сторон конфликта друг другу.

Обеим сторонам необходимо прийти к мирному урегулированию и разорвать порочный круг мести и взаимных обид. Полностью прекратить социальный конфликт не получится, однако начать его минимизировать вполне под силу. Возможность преодоления ошибок не обязательно должна быть целью одного поколения. Но намного проще решать проблему «по горячим следам», чем разбираться с годами накопленных обид и претензий.

Не всегда в истории всё заканчивалось быстро и мирно, были случаи, в которых приходилось формировать точку зрения целого поколения заново, добавляя к ней доказательства ложности предыдущих мнений. Одним из путей формирования новой точки зрения можно выделить сознательное упрощение истории, ее тиражированность. Здесь стоит пометить, что упрощение и тиражированность подразумеваются в контексте массовой культуры, которая направлена на получение выгоды и включение большого количества людей в исторический процесс.

Опасность такого включения в историю заключается в том, что человек перестает понимать многополярность исторического процесса. Он чересчур упрощает историю. Поскольку именно «победители традиционно пишут о том, что всё, что делали они, было правильно, что это было чуть ли не единственным возможным вариантом решения проблем, а их оппоненты заведомо ошибались или были врагами народа» [5, с. 82], в таком случае получается подтасовка фактов исторического процесса.

С одной стороны, представлен человек, который является рупором истории, ее винтиком. С другой стороны, есть некие лидеры, которые используют свое влияние, для того чтобы формировать новую повестку истории. В силу того, что человек не способен

критически мыслить, анализировать причинно-следственные связи, принимать факт собственной исторической неправоты, это обедняет историю, делает ее полем сражения отдельных парадигм и школ. А это приводит к одностороннему пониманию истории в целом.

Чем глубже в истории расположены события, тем проще с ними работать историку, потому что у них уже нет живых носителей информации, которые могут внести свои корректировки. События из далекого прошлого отделены от чувственной составляющей, на них можно посмотреть «со стороны», дать объективную характеристику, в отличие от недавних событий, у которых еще живы очевидцы.

При этом «нет более шаткого метода толкования всемирной истории, чем когда дают волю своему политическому, религиозному или социальному убеждению и сообщают трем фазам, не осмеливаясь изменить их, направление, точь-в-точь приводящее к позиции самих толкователей и по необходимости прилагающее к тысячелетиям в качестве абсолютно-го масштаба господство разума, гуманность, счастье большинства, хозяйственную эволюцию, просвещение, свободу народов, покорение природы, мир во всем мире и тому подобную всячину; при этом доказывается, что сами тысячелетия не сумели понять или достичь единственно нужного, и не учитывается, что на деле они стремились к чему-то другому, нежели мы. “Очевидно, в жизни дело идет о жизни, а не о каком-либо ее результате”, – вот слова, которые следовало бы противопоставить всем глупым попыткам разгадать тайну исторической формы с помощью программы» [6, с. 149–150].

Историк является обычным человеком, который также может ошибаться, но если он готов признать собственные недочеты и исправить их, значит, он выбрал верный путь. Историк Валерий Тишков отмечает, что историк должен «...стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории...» [7, с. 162].

Однако «историю пишут победители, и когда мы пишем наши собственные истории, мы делаем это подобно завоевателям, чтобы оправдать наши действия, чтобы хорошо выглядеть в собственных глазах и позитивно оценивать то, что мы сделали или не сделали. Если были допущены ошибки, память помогает нам помнить, будто их сделал кто-то другой,

а если и мы там были – то только в роли невинных наблюдателей» [8, с. 88].

Подытожив всё написанное выше, можно сделать несколько выводов. История пишется одновременно на нескольких носителях: материальном и духовном. Всё в истории подвержено забвению. Материальный носитель становится наиболее важным спустя время, в то время как духовный носитель имеет наибольшую ценность непосредственно сразу же после совершения события в настоящем. При этом для обоих источников характерно присутствие человеческих черт, таких как чрезмерная эмоциональность, нежелание признавать собственные ошибки.

Важно понимать, что историческое событие содержит в себе материальные и духовные носители, которые в совокупности с критическим мышлением и логически выверенным разумным подходом минимизируют возможности для самооправдания и перекладывания ответственности за сделанное / не сделанное в прошлом и способствуют защищенности истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Помни свои корни : результаты опроса по оценке школьных знаний россиян по истории / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). М., 2025. 15 янв. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomni-svoi-korni>
2. Душенко К. В. История знаменитых цитат. М. : Азбука, 2018. 704 с.
3. Про А. Двенадцать уроков по истории. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 336 с.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 320 с.
5. Арзамаскин Ю. Н. Периодизация истории России : прозрачная ясность или труднейшая головоломка? // Вестник Самар. юрид. ин-та. 2013. № 2 (10). С. 81–84.
6. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. СПб. : Academia, 1923. Т. 1. 674 с.
7. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 159–166.
8. Аронсон Эллиот, Теврис Кэрл. Ошибки, которые были допущены (но не мной) : почему мы оправдываем глупые убеждения, плохие решения и пагубные действия / пер. с англ. А. В. Лисовского. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 332 с.

Воронежский государственный университет
 Бутко В. Ю., преподаватель кафедры онтологии и теории познания
 E-mail: laptieva.v@bk.ru

Voronezh State University
 Butko V. Yu., Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department
 E-mail: laptieva.v@bk.ru